

12 1 МАЯ 1977

Газета №

г. Москва

САДИЛОСЬ СОЛНЦЕ. По дороге, мимо тихого городка, ехал конный отряд. Теплая пыль вбирала копыта, и звук становился мягким и глубоким. Косые солнечные лучи высвечивали то начищенную до блеска бляху на поясе бойца, то рукоятку его шашки. Неожиданно резко прозвучала труба: тревога! Напружинились в седлах красноармейцы, натянули поводья. И вот уже пыль колеблющимся занавесом закрыла ускокавший отряд. А мальчишки, бежавшие за бойцами, повернули назад, в город. Только один еще долго стоял у дороги, вслушиваясь в далекий топот, в сигналы трубы. И не знал он

это уникальный многоголосый инструмент. Именно инструмент, потому что, если исполняемое произведение «раскладывается» на скрипку, флейту или литавры, — это уже не оркестр. Точнее — это плохой оркестр. Хороший звучит как один инструмент. Но это еще и коллектив, состоящий из отдельных скрипачей, флейтистов или ударников. Каждый из них может по-своему чувствовать произведение. Задача дирижера — объединить музыкантов в понимании, видении исполняемой музыки. Вселить в них веру в ту интерпретацию произведения, которую он предлагает. А для этого дирижеру мало быть только первокласс-

заметно, что она взмокла) белела на диванчике. Дирижер положил руки на колени, пошевелил пальцами, потом откинулся на спинку кресла. Я плотно закрыла дверь и ушла.

Встретились мы у Константина Константиновича дома, в том кабинете, где на стене висит фотография с С. М. Буденным.

На роле бронзовый бюст Бетховена. Иванов перехватывает мой взгляд, спрашивает:

— Что вам ближе всего в нем?

— Наверное, сила, а еще — певучесть...

Константин Константинович кивает, потом говорит твердо:

— И страсть! Безудержная страсть ко всему — к жизни, борьбе, человеку. Помните его слова: «Жизнь есть трагедия. Ура!». Многие произведения Бетховена носят отпечаток драматичности, но при этом — они удивительно жизнеутверждающие, оптимистичные.

К. К. Иванов считается одним из лучших интерпретаторов Бетховена. Во время гастролей в ГДР «Нойес Дойчланд» писала: «В исполнении Иванова, в особенности в 7-й симфонии, зазвучала сама жизнь, полная радости и боевого оптимизма».

— Константин Константинович, вы ведь еще в армии сочиняли. А эта увлеченность композицией с годами не прошла?

— Более того! Я всегда ощущал недостаток специальных знаний в этой области. Но заниматься всерьез все как-то не хватало времени. И когда уже за шестьдесят перевалило, начал: тянуть дольше нельзя, нужно учиться. Поступил на композиторское отделение музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Кто из моих знакомых наверняка подумал: «Ну Иванов уж совсем...», — смеется Константин Константинович. — Нет, народная мудрость верно гласит: учиться никогда не поздно. Без науки, может быть, меня и не «хватило» бы на симфоническую поэму «Огненные годы», на «Космическую симфонию» памяти Юрия Гагарина. Сейчас заканчиваю «Поэму» на стихи Маяковского для оркестра и хора. Это сочинение посвящаю 60-летию Октября...

Рабочее место дирижера не только за пультом. Мне думается, что, выходя на сцену, он совершает последний этап работы. Вот прочитана партитура, но это еще не значит, что образ произведения уже сложился.

— Иногда идешь осенью по улице, и вдруг сорвется с дерева желтый лист, полетит медленно к воде, замрет... И как-то тревожно станет. Неожиданно ловишь себя на мысли: да ведь это же настроение, которое должно быть в начальных тактах Рахманинова!

Сохранить, запомнить состояние души, суметь передать его музыкантам, чтобы те в свою очередь донесли через ноты слушателям. Это непросто. А кто сказал, что служить искусству легко?

— Константин Константинович, что вы чувствуете, когда проходите мимо афиш, сообщающих о вашем очередном концерте?

— Бывает, подумаешь: нужно бы еще раз коду пройти с виолончелями, выдержать темп во второй части. Или что-нибудь в таком же роде... А чувствую? Наверное, ответственность. Ведь так хочется, чтобы оркестр пел и песня эта звучала потом в сердцах людей.

Е. ГРАНДОВА.

● К 70-летию народного артиста СССР

К. К. ИВАНОВА

ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ К РАЗУМУ

тогда, что пройдут годы, и все, что слышал мальчишкой, вспомнится, чтобы стать музыкой.

— Константин Иванов, симфоническая поэма «Огненные годы». Исполняет Государственный симфонический оркестр Союза ССР, дирижирует автор — народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Константин Иванов, — объявил диктор. Тихо в зале, и в тишине этой — далекий топот копыт, звук трубы, отливающий серебром: тревога-а-а! Только теперь все это — в музыке.

...Ах, как великолепен был полковой оркестр, когда браво шагал, блестя трубами и звеня тарелками, узенькой «главной» улицей городка! Двенадцатилетний Костя дальше всех ребят провожал военных музыкантов по пыльной дороге. Они приметили бойкого паренька, который хрипловатым голосом, но очень правильно пел все марши, сигналы. Повели к капельмейстеру, а тот, прослушав мальчишку, сказал: «Давай-ка, парень, к нам». Так стал он сыном полка, маленьким трубачом военного оркестра.

...В кабинете дирижера висит фотография: С. М. Буденный и К. Иванов склонились друг к другу — видно, говорят о чем-то, памятным им обоим. Константин Константинович смотрит на фотографию:

— Я пришел к Семену Михайловичу поздравить его с восьмидесятилетием. Сомневался: вспомнит ли меня? Поздоровались, и Буденный вдруг говорит: «Не забыл, Костя, боевых сигналов?».

А потом из-за закрытых дверей было слышно, как поют в два голоса боевые сигналы бывший «маленький трубач» и легендарный полководец...

Именно по инициативе С. М. Буденного сын полка Костя Иванов был направлен на учебу в музыкальный техникум, откуда талантливого паренька приняли в Московскую консерваторию. В фойе Большого зала есть Золотая доска, на которую заносят фамилии закончивших обучение с отличием. На ней значится и фамилия К. Иванова.

Симфонический оркестр —

ным музыкантом. Ему необходимо обладать еще одним даром — умением общаться с людьми и быть понятым ими. В течение двадцати лет К. К. Иванов руководил Государственным симфоническим оркестром СССР. И все эти годы оркестр звучал, как один инструмент.

— Моя дирижерская концепция, что ли, заключается в том, что музыка — это прежде всего образное, чувственное восприятие мира, — говорит Константин Константинович. — Она вызывает к душе человека и уже через сердце — к разуму.

Наверное, именно поэтому так захватывает слушателей русская симфоническая классика в исполнении оркестра под управлением К. Иванова. И в особенности ее главная песня — произведения П. И. Чайковского.

— Творчество великого Петра Ильича близко мне чрезвычайно, — дирижер медленно перелистывает партитуру 6-й симфонии. — И прежде всего тем, что оно пронизано любовью к русской, не сравнимой ни с чем природой, к своеобразному национальному характеру.

Где бы ни звучал оркестр под управлением К. Иванова — в Мексике, Японии, Канаде (восемьдесят раз выезжал дирижер на гастроли за рубеж), — в концертных залах устанавливалось то счастливое единение слушателей и исполнителей, которое, по-видимому, и является высшим критерием мастерства.

...Закончился концерт. В Большом зале консерватории отгремели овации, потушили свет в партере, и лишь сцена, уставленная корзинами с цветами, была освещена. Я подумала, что дирижер наверняка сейчас за кулисами не один, а в окружении друзей, учеников, и мне вряд ли удастся поговорить с ним. Но все же прошла за сцену. Меня обрадовала (кажется, смогу задать несколько вопросов!) тишина за дверью комнаты музыканта. Я заглянула в щелку. Константин Константинович сидел в кресле и медленно расстегивал воротничок. Фрак как-то очень устало висел на спинке кресла, а манишка (даже издали было